

НАТАЛЬЯ ХОЛМОГорова

Клявлино Самарской обл.

НЕМТЫРЬ рассказ

Любку в родной деревне кличут «немтырём» или «немкой». Спроси у девки: сколько годов стукнуло? Она растянет большой рот в улыбке, вытянет тонкую шейку, напрягая жилы, с трудом вытолкнет из себя воздух – «п-пять». Стало быть, пять лет...

Любка маху не даст ни в поле, на косьбе, ни на току, ловко орудуя деревянной лопатой и ссыпая золотое семя в кузов. Сызмальства приучена Любка к труду – жать, сеять, пахать за троих. А говорить по-людски не умеет! Да и как уметь, коли с рождения косноязычная? Язык есть, а толку мало.

Фельдшерица однажды заглянула в Любкин рот, поводила там холодной железной палочкой. Долго всматривалась внутрь, нацепив на лоб металлический зеркальный кругляш. Любка, не моргая, смотрела на тётку в белом халате, и слёзы крупным горохом катились по побледневшим щекам.

- Чегой-то там, у моей Любушки? – с тревогой в голосе спросила Любкина мать.
- Короткая уздечка языка, по-медицински – анкилоглоссия. Потому и говорит ваша дочка плохо.

Фельдшерица сделала запись в больничной карте, вздохнула:

– В Москву вам ехать надобно. Пока девочка маленькая, операцию перенесёт легче. Иначе, как была ваша Люба немтырём, так им и останется.

– Ой, худо! – запричитала Любкина мать. – Отколе денег-то взять? В хате – семеро по лавкам!

– В кубышку мало-помалу откладываете, Авдотья Павловна. Как накопите, так и приходите. Я направление вам выпишу в Московскую клинику.

Авдотья кисло улыбнулась и, отмахнувшись от фельдшерицы, как от надоедливо поющего комара, схватила Любку за руку:

– Пуцай пока так ходит. Нэма у нас денег. Нэма!

Любка так и проходила, без малого, ещё три года, пока, как велела фельдшерица, кубышка в доме не наполнилась.

Батька у Любки (не глядите, что колченогий!) для любимой старшей дочки расстарался. Те, у кого увечье какое – народ обычно выносливый, как камень, если, конечно, «горькую» не потребляют.

Любкин отец лишнего не пил. Зараз мог выпить грамм двести первака – и баста! Да и то, не каждый день, а так, с устатку. И лудить, и паять, и скорняцкие работы выполнить – всё умел Михайло Ильич. А уж в плотницком деле равных ему в селе не было! За калым, как некоторые мужики, водкой не брал. Либо продуктами, либо деньгами. Так и скопил нужную сумму для поездки в Москву.

Похожи отец с дочкой – как две капли воды! Непослушный жёсткий волос, крепко сбитое тело, а характер у каждого – упрямый и настырный. Ежели что удумали – возьми да выложь! А если вскипят ненароком, как пузатый, чищенный до блеска самовар, то отходят быстро.

Любка себя в обиду ни за что не даст! Если кто-нибудь из ребятни начнёт передразнивать несуразную Любкину речь, может и в ухо схлопотать! Рука у Любки тяжёлая, как у отца...

Но на Боженьку Любка не в обиде. Язык – это полбеда! Вон, у батьки культя вместо правой ноги, и ничего, живёт! А у председателя колхоза – того хуже, один глаз стеклянный... Если язык короткий, лишнего-то не взболтнёшь! Вон, у соседки, не язык, а помело, не то, что у Любки. Если девчонке секрет доверить – это могила! Только прозвища обидные Любке не нравятся. Скажут «немтырь» – будто оглоблей огреют.

Любке снится жуткий сон...

Будто стоит она на железнодорожных путях, а на неё, как дракон огнедышащий, сверкая красными глазами и извергая пламя, мчитя паровоз. Любка хочет бежать, да ноги не слушаются. Хочет позвать на помощь, да язык к глотке прилип. Ничего не слышно, кроме глухого мычания и шипения.

– Любушка, доча, вставай, – мать ласково тормошит Любку за плечо. – В Москву с батькой поедешь, поезд вас ждать не будет.

Любка тряхнула головой, прогоняя остатки страшного сна, проворно соскочила с кровати. На спинке стула – коричневое платье, перешитое из мамкиного, ещё почти нового – крепдешинового. Чулки с резинками, шерстяная кофта, заботливо связанная мамкиными руками...

Старый деревянный чемодан мамка отскребла ножом от копоти и грязи, керосином почистила зажавевшие застёжки, и теперь он, раззявив ненасытную пасть, красовался на кухне, в самом центре стола.

– Са-аа-ла? – Любка тыкнула пальцем в газетный свёрток.

– И сало солёное поклала, и хлеба, и яиц вкрутую сварила. Ты за батькой, Любушка, приглядывай! Он, охламон непутёвый, ишшо потеряется в Москве-то.

Любка молча кивнула, натянула розовые панталоны, волосы перетянула резинкой.

– Ах ты, Боже ж мой! Николая Чудотворца запамятовала положить, – мать сняла с киота небольшую икону. – Это наш первый помощник и заступник в делах, без него никак нельзя.

Любка нехотя выпила молоко с булкой и выскочила из-за стола. Негоже рассиживаться, когда впереди маячат огни Московии!

– Готовы? – батька заглянул в избу.

– Готовы, Михайло, готовы!

– Ну, присядем на дорожку, и в путь...

Любка никогда прежде не ездила на поезде, оттого ей было и страшно, и весело одновременно! И даже батька, всегда такой уверенный, показался ей перепуганным не на шутку. Он поставил чемодан у ног, осторожно сел на краешек деревянной скамьи и, словно провинившийся школьник, аккуратно сложил на коленях большие натруженные ладони.

– Располагайтесь, граждане, – сказала проводница, – до Москвы ехать ещё долго, почти сутки.

Любка шикнула на отца, быстро скинула туфли, до блеска начищенные то ли вазелином, то ли гуталином, с ногами забралась на полку, прильнула к окну... Она даже представить себе не могла, что мир так огромен!

Мимо проносились деревни и полустанки, леса и поля, чуть тронутые первой осенней позолотой. Вагон сильно раскачивался из стороны в сторону, даже сильнее, чем если бы Любка ехала верхом на колхозном мерине. В вагоне сильно пахло мазутом, крепким табаком, жареной курицей и ещё Бог знает чем.

– В первый раз на поезде едешь, милая? – ласково спросила бабушка с соседней полки.

Любка застеснялась, молча кивнула в ответ.

– В первый раз, – поспешно ответил за Любку отец.

– В Москву-то в гости едете, али как? – не могла уговориться бабушка, вновь обращаясь к девочке.

– По делам, – строго сказал отец, и горькие складки возле губ прорезались ярче.

– Нешто девка немая? Или стесняется? – прошамкала старушка.

Любка наклонила голову низко-низко – так, чтобы никто не увидел слезы, бегущей по щеке...

Московский вокзал встретил Любку суматохой, неразберихой и толкотнёй.

– Граждане пассажиры! Внимание, внимание! – гремел откуда-то сверху женский гнусавый голос. Таких противных голосов Любка ещё в жизни не слышала!

Все куда-то бежали, как сумасшедшие! Носильщики, тётки с торбами, дядьки с чемоданами...

Паровоз пыхтел, издавая клубы вонючего дыма. Перрон под Любкиными ногами качался, и ей казалось, что стоит она не на твёрдой земле, а шагает по зыбкой гати. По такой же примерно гати, что находится за дальним лесом, и куда она однажды ходила с отцом.

Михайло Ильич, расталкивая острым своим плечом встречных-поперечных, шёл напролом, словно племенной бык из колхозного стада. Шёл так скоро, что Любка испугалась за его протез.

– Ба-ать-ка, – Любка старалась не отставать от отца ни на шаг. Но её вдруг отжали, отгеснили, оттолкнули куда-то влево. Любка поскользнулась и упала на грязный привокзальный асфальт. Чей-то ботинок едва не отдал ей пальцы... Совсем близко прогромыхала тележка носильщика. Любка кое-как поднялась, отряхнула платье и замерла на месте, прижав руки к груди, словно в немой молитве.

Вокруг неё текла река, но не такая, как у них в деревне – спокойная, мирная... Людская река была другой! Она кипела, бурлила, обнажая подводные камни и постепенно затягивая Любку в омут, увлекла на самое дно.

Любка напрягла все силы, задрала лицо кверху и, привстав на цыпочки, закричала:

– Ба-а-тька!

Но Любке только казалось, что она кричит. На самом деле, лишь хриплый воздух вырывался из её груди.

– Ба-а-тька!

Всё происходило почти так, как в страшном Любкином сне...

Люди бежали мимо, паровоз кричал навзрыд, предупреждая о своём убытии, колёса стучали о рельсы, а где-то совсем близко гудела, тормозилась Москва.

На Любку накатило вдруг странное равнодушие.

– Ты потерялась? – интеллигентная тётка участливо наклонилась к Любке, заглянула в глаза. – Ну, чего ты молчишь?

Любка кивнула в ответ.

– Как тебя зовут, девочка?

Любка молчала.

– Ты с кем? Тебе куда надо? Адрес помнишь?

– Бо-бо-иця!

Любка хотела выговорить слово «больница», но у неё не получилось.

– Кто боится? Ничего не понимаю... Ты можешь ответить нормальным человеческим языком?

Любка отрицательно замотала головой и разрыдалась в голос.

– Станный ребёнок, – отмахнулась женщина и, постукивая каблучками, поспешила прочь...

И вдруг откуда-то сверху, раздался Небесный Глас. Он был тот же самый – противный и гнусавый, немного скрипучий и немного встревоженный.

– Внимание, внимание! – вещал Голос. – Девочка Люба Василенко, из деревни Сосновка, тебя разыскивает твой бать... отец! Люба, стой на месте и никуда не уходи. Тебя обязательно найдут наши милиционеры.

Любка вытерла слёзы и глубоко судорожно вздохнула. Она увидела, как расталкивая толпу, к ней уже спешат двое мужчин в белой форме, в фуражках с красной тульей. Один из милиционеров показал пальцем на Любку и зачем-то громко свистнул в свисток.

И тут случилось невероятное! Все, кто бежал, спешил, торопился по делам, вдруг замедлили свой бег. Человеческая река потекла медленнее, некоторые прохожие даже остановились:

– Что? Где? Кто? Что случилось?

– Тебя зовут Люба? – спросил высокий милиционер.

– Да-да.

– Пойдём с нами, Люба Василенко. Тебя ждёт отец.

Люба широким жестом, по привычке, вытерла рукавом кофты нюни, набежавшие из носа, и покорно пошла следом. Людская толпа уважительно расступалась, высвобождая идущим дорожку...

Москва!

Город, напугавший Любку до смерти, до дрожи в коленях, до ужаса в глазах. Город, равнодушный к чужой беде, к тому, кто слаб или с каким-либо изъяном.

Москва!

Город, сделавший Любку спустя всего пару дней счастливой! Город, подаривший ей надежду на новую грамотную речь, вливший в неё уверенность – уверенность в завтрашнем дне.

Любке пока с трудом даются слова, но доктор сказал – это временное явление.

После операции с Любки словно бы сняли путы, словно бы подарили свободу говорить, легко выражая свои мысли и чувства! О, как давно она об этом мечтала!

– Любушка, мамке, ничего не рассказывай, ладно?

Любка вопросительно посмотрела на отца.

– Ну, как ты на вокзале потерялась, – отец виновато шмыгнул носом.

– Не-е-е, – в растяжку ответила Любка и рассмеялась.

Отец словно только этого и ждал.

– Мамка-то велела тебе за мной присматривать, а оно вон как вышло-то – наоборот! А-ха-ха!

Отец смеялся долго и громко, запрокинув голову назад, и то и дело рассекая воздух рукой, словно отгоняя наваждение. И все, кто был на вокзале в эту минуту, и провожающие, и встречающие, с удивлением оборачивались на неказистого, одетого вовсе не по Московской моде мужичонку.

И только когда состав плавно подошёл к платформе, Михайло Ильич наконец успокоился. Крепко держа Любку за руку, он поспешил к своему вагону, сильно приволакивая ногу с протезом. Взобравшись на подножку поезда, мужчина оглянулся назад – там, за стенами вокзала, словно улей на пасеке, шумел огромный город.

Прощай, Москва! Город надежд и разочарований, город обещаний и возможностей, город побед и поражений. Прощай! Даст Бог, ещё свидимся...